

Обсуждение судьбы памятников и «мест памяти» советского времени почти неминуемо обращается к судьбе многочисленных «Лениных» на улицах российских городов. Эти монументы морально устарели, но заменить их пока нечем. Вариантом их судьбы может стать не замена, а просто «коммерческое освоение» места, которое они занимают. И тогда

Ленин, церковь и некрополь: ландшафт современного российского города

Катя Котова,

выпускница исторического факультета СПбГУ, слушатель НОУ ИДПО «Европейский университет в Санкт-Петербурге», специальность – история России в 20 веке, Санкт-Петербург, filippova-es@mail.ru

устаревший «истукан» просто отправится на свалку, уступив место бизнес-центру или просто платной автостоянке. Но что делать с символами ушедшей эпохи, если это не что иное, как индивидуальные и групповые захоронения? Статья Кати Котовой – о происхождении этих символов и о том, как может меняться их значение в пост-советском обществе.

Со времён глубокой древности с размещением объектов в пространстве связывают искусство запоминания — мнемотехнику. Причина тому — важная роль пространственных объектов в организации индивидуальной памяти и социальных представлений о прошлом. При этом официальные символы, материализованные и закреплённые в городском ландшафте, всегда подвержены реинтерпретациям, а история их эволюции способна сообщить уникальную информацию о жизни общества. Вторая составляющая механизма «запоминания» социально-значимых событий прошлого — их персонификация и создание неомифологии. Большевики, как мне кажется, весьма преуспели и в этом. С помощью монументальной пропаганды и особой мемориальной политики они населили пространство крайне устойчивыми мифами. И как бы анахронично это не смотрелось, доминантами центра большинства российских городов наряду со зданием местной администрации и церковью остаются памятники

В.И. Ленину и мемориалы захоронения участников революций и других выдающихся политических деятелей. Такое сочетание не случайно.

Политико-религиозный синкретизм исторически характерен для России. Массовое сознание эпохи российских революций провоцировало сакрализацию революционных символов; по сути же, политика памяти становилась идеологическим суррогатом религии. Это особенно заметно на примере религиозных коннотаций с фигурой Ленина, первые из которых возникают в 1918 г. после покушения на него Ф. Каплан. Культ вождя в любой тоталитарной идеологии требует постоянного и повсеместного присутствия его образа, часто в окружении целого круга героев, боровшихся за воплощение его идей. И если вычеркнуть из памяти и пространства образ Ленина, общество ещё не готово (на что указывают, например, споры о судьбе взорванного памятника Ленину у Финляндского вокзала), возможно ли, что процесс «окончательной

Ленин, церковь и некрополь: ландшафт современного российского города

и бесповоротной» десакрализации героев советского пантеона начнётся с определения судьбы многочисленных некрополей — мемориалов борцам революции?

Торжественные перезахоронения жертв гражданской войны и создание на братских могилах первых монументов в освобождённых городах являлись важнейшими агитационными средствами молодой советской власти. Процесс создания подобных мемориалов растягивался, как правило, на несколько лет, контекст имел региональные особенности, облик монументов на братских могилах зависел от масштабов городской казны. Так, после восстановления советской власти в Тюмени в августе 1919 г. на месте братской могилы красноармейцев была поставлена деревянная колонна, которую позже сменил деревянный обелиск, а затем гипсовая и, наконец, чугунная скульптурная группа (мероприятия по благоустройству мемориалов традиционно проводили к годовщинам революции и другим памятным датам). 22 января 1920 г. в Новониколаевске (с 1925 г. — Новосибирск) состоялась похороны 104 борцов за власть Советов. Два года спустя на братской могиле, расположенной в центральной части города, был сооружён памятник из бетона в виде прорвавшей скалу мускулистой руки, сжимающей горящий факел, — символ бессмертия революционного подвига погибших.

Словно бы и не было тысячи лет христианской традиции, в соответствии с которой хоронить вне церковных и кладбищенских оград не полагалось, разве что речь не шла о преступниках и самоубийцах!

Советские мемориалы становились же официальными символами городов и незаменимым средством наглядной агитации. Одним из наиболее внушительных памятных мест такого рода можно назвать Мемориал на Марсовом поле (1917-1919 гг.). Большая часть символики большевиков была создана в межреволюционный период или напрямую позаимствована у Временного правительства, так и этот объект задумывался

как памятник павшим за свободу в Февральской революции. Захоронению революционеров придавалось такое большое идейно-политическое значение, что Петросовет предлагал в качестве места для создания мемориала даже Дворцовую площадь.

Пока город был охвачен беспорядками, похороны не проводились, трупы участников революционных событий и случайных жертв свозились в морги городских больниц. Временное правительство решилось устроить массовые похороны только после того, как наступил мир. Торжественное захоронение почти двухсот горожан, состоявшееся 23 марта (5 апреля) 1917 г. на Марсовом поле, должно было символизировать для жителей российской столицы конец революции и начало новой жизни. Деньги собирали всем миром: солдаты частей Петроградского гарнизона сдавали золотые кресты и иконки из золота и серебра; деньги собрали даже рабочие промышленных предприятий.

К Марсову полю стекались колонны из разных районов города, шествия начинались от зданий больниц. Ритуал закладки мемориалов в годы Гражданской войны повторял церемонию похорон на Марсовом поле: «Стройно и мерно, под звуки похоронного марша шли бесконечные ряды войск, рабочих и всех граждан. <...> От госпиталей процессия перешла через Омь. <...> У братской могилы состоялся траурный митинг. Выступали представители СибРевКома, комиссары Красной армии, рабочие, матери погибших».¹ На братской могиле в Петрограде Л.В. Руднев приступил к возведению временного монумента из блоков гранита (коннотации со стеной Парижских коммунаров на кладбище Пер-Лашез в Париже). Позже он был намерен переработать монумент в «Памятник Свободе», основным элементом которого должен был стать обелиск с фигурой женщины, держащей знамя. Эти факты свидетельствуют, что в своих мемориальных традициях большевики обращались к революционной

эстетике Европы. Несмотря на показательное отречение от религиозных предрассудков, в сохранившихся описаниях церемоний перезахоронения и текстах торжественных речей проступает и их преемственность с христианской обрядностью; напрашивается связь высокого значения таких похорон для власти и общества и вера в их искупляющее, очищающее действие.

Со временем на Марсовом поле разместили не только могилы погибших в Февральской, а затем в Октябрьской революции, но и останки жертв Гражданской войны, некоторых деятелей коммунистической партии и Советского государства, умерших с 1917 по 1933 гг.² Захоронение стало обычной практикой: в Омске, например, братскую могилу 120-ти политзаключённых дополнили перезахоронениями жертв колчаковщины и даже скончавшегося в уже советском Омске товарища (заместителя) председателя горсовета, врача Ф.В. Гусарова. «Обновления» мемориалов служили усилению их смысловой нагрузки. Так, например, в Омске значение мемориала корректировали, периодически сменяя таблички с цитатами. Идея преемственности двух революций (Российской и Французской) отчётливо прослеживалась в надписях, изначально имевшихся на постаменте омского памятника: «Коммунары Парижа! У вас вырвали Красное знамя, рабочие России отняли его и победили!» Затем некоторое время на постаменте были выбиты слова: «Приятно и радостно знать, что кровь, обильно пролитая нашими людьми, не прошла даром, что она дала свои результаты. И.В. Сталин». Затем и эта надпись исчезла.³

Смену контекстуального значения мемориала на Марсовом поле можно проследить через процедуру имянаречения. В момент создания он назывался памятником «Жертвам революции», затем в контексте первой волны переименований в 1918 г. площадь называли площадью

² Подробнее см.: Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга, состоящие под государственной охраной: Справочник. СПб., 2005. с. 809.

³ Подробнее см.: Вибс П.П. Мемориальный сквер «Памяти борцов революции» // Памятники истории и культуры города Омска: сб. статей. Омск, 1992. Вып. 1. с. 21–24; Колесников А.Д. Памятники и памятные места Омска и области. Омск, 1987. с. 94–98.

¹ Советская Сибирь. 1919. 3 декабря.

Ленин, церковь и некрополь: ландшафт современного российского города

Жертв революции. С 1930-х гг. начинается замещение слова «жертвы» в названии на слово «борцы». 13 января 1944 г. площади возвратили историческое название — Марсово поле, тогда же памятники систематически стали называть памятником «Борцам революции».⁴

Появилась новая форма городского пространства: прежние сады и парки после захоронения в них «борцов» превращались в квазисакральные центры — «мемориально-парковые ансамбли». Символы освобождения от гнёта — царской власти или власти белых — мемориалы призваны были постоянно напоминать о необходимости дальнейшей борьбы за дело революции, чтобы её жертвы не оказались напрасными. Здесь по красным дням календаря теперь совершался ещё один пафосный ритуал — клятвоприношения. В позднее советское время мемориалы регулярно подновляли и даже производили подхоронения.

Пожалуй, мы можем говорить о том, что существует два важнейших показателя, которые транслируют информацию о социальном значении монумента в определённый момент — его место в современной системе ритуалов и материальная основа его существования.

О первом показателе говорить сложно без данных сколько-нибудь авторитетного мониторинга. С одной стороны, мемориалы выпали из официальной системы ценностей, мы не встретим их изображений в новейших наборах открыток, и молодое поколение, которое можно назвать постсоветским, зачастую не знает о том, что под монументами находятся действительные захоронения, не говоря уже о непопулярности в массовом сознании захороненных «жертв» и «борцов». С другой стороны, мемориалы включены в общественную жизнь современных коммунистов, а молодёжь сохраняет традицию возложения к ним цветов. Это сообщает некоторый смысл существованию таких некро-

⁴ Подробнее см.: Матвеев Б.М. Жертвы. Борцы. Герои. Метаморфозы памятника на Марсовом поле // Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга. СПб., 2002. Вып. 6. с. 260–275.

полей — смысл не столь непреодолимо далёкий от первоначального, как может показаться.

Мемориалы сохранили за собой функцию объекта политических и социальных игр, только вот функция была урезана, а правила игр изменились. На протяжении советского периода существования мемориала в Омске в нём произносили клятву верности делу отцов молодые коммунисты. А несколько лет назад автор этой статьи стала свидетелем другой социальной игры — студенты инсценировали однополую свадьбу, имея целью проверить отношение людей, в частности работников ЗАГСа, к такого рода явлению. В регистрации брака им было отказано, но все другие свадебные обычаи и ритуалы были соблюдены, и девушки клялись в верности друг другу перед огнём мемориала, который теперь чаще всего интерпретируется молодыми как символ Вечности.

Второй показатель оценить проще. Для ремонта мемориала Марсова поля перед 300-летием Петербурга оказалось сложно найти спонсора, из городского бюджета средства были выделены только весной 2003 г. В то же время всё популярнее становится тема «освоения» мемориалов и парков. Ещё в 2002 г. первый заместитель председателя Комитета по строительству А. Лобанов признал, что в комитете уже лежит несколько заявок на строительство в Летнем саду и на Марсовом поле. В 2007 г. глава КИСП М. Соколов предложил разрешить частному капиталу организовать парковку под Марсовым полем с небольшими зонами коммерческой торговли. Председатель охранного ведомства КГИОП В. Дементьева отреагировала следующим образом: «В принципе мы не против подземного строительства в историческом центре, под площадями или даже под Марсовым полем. Но должны быть грамотные расчёты, продуманное решение проблем въездов и выездов».⁵ Сейчас в Интернете можно прочитать о том, как петербуржцы

обсуждают перспективу переноса на Марсово поле массовых гуляний, как то было во второй половине XIX в.

Если мы возьмёмся собирать мозаику из подобных обсуждений, то увидим, что поиск новых экономических стратегий развития города ведёт к необходимости пересмотреть статус некоторых традиционных мест памяти, выпавших из актуальной системы ценностей. Однако изучение истории возникновения и существования мемориалов⁶ ставит под сомнение превосходство экономического использования таких мест над их культурным потенциалом. К примеру, то, что всегда умалчивалось и могло навредить имиджу мемориалов в советское время — факты захоронения в братских могилах случайных людей, не всегда сторонников революции — теперь могло бы помочь мемориалам стать символами памяти всем погибшим в революционные годы, годы Гражданской войны. «Наследство», которое несут в себе революционные мемориалы и которое могло бы быть ретранслировано — в частности, неразрывность российской истории при всей её трагической динамичности — видится мне слишком ценным, чтобы быть забытым. Невостребованность глубокого символизма мемориалов указывает на наличие в российской действительности того, что И.М. Савельева и А.В. Полетаев называют «вторым вектором политики памяти» — «политики забвения», и на фоне трансформации исторической памяти о революции оба этих вектора политики памяти⁷ заслуживают внимания профессиональных исследователей.

⁶ Напр., работы В.Г. Исаченко и Б.М. Матвеева (о Санкт-Петербурге), И.Я. Мурзиной (о Екатеринбурге), П.П. Вилбе и В.Г. Рыженко (об Омске).

⁷ Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования: Препринт WP6/2004/07. М., 2004. 56 с. Электронные данные. Точка доступа: http://new.hse.ru/sites/infospace/podrazd/uvp/id/preprints/DocLib/WP6_2004_07.pdf

⁵ Лиханова Т. Родина-мать сдаёт. Наш ответ Эстонии: парковка в некрополе и коттеджи вместо блокадного мемориала // Новая газета. 2007. 3 мая.